

ПЕРСОНА

Дозвониться до Николаева в первой половине дня теперь практически нереально. Бодрый голос в автоответчике предлагает оставить сообщение. А хозяин этого самого голоса в то же время досматривает десятые сны. Отсыпается до бишь после ночной съемки. Но вот наступает вечер, и...

— Юрий Александрович, и все равно выглядите немного уставшим.

— Так получилось, что двадцать четыре часа я был на ногах... Ну не двадцать четыре — двадцать, наверное. Да, физически устал. Но я доволен этой усталостью и ни на что не жалуюсь. Очень не люблю, когда актеры говорят: ой, какие трудные были съемки, как там в Швейцарии нелегко пришлось... Это все неправда. Такое лукавство и самолюбование. Тяжело тебе — ну переходи в троллейбусный парк работать. Зачем же миллионам зрителей рассказывать о трудностях актерской профессии?

— Наверное, чтобы ценили. Чтобы у зрителя и мысли не зародилось: подумаешь, и я так смогу.

— На самом деле: если у зрителя создается ощущение легкости, ощущение, что он может сделать то же самое, значит, актер или ведущий действительно в точку попал. Ведь кого можно считать более интересным, более талантливым артистом? Того, у кого больше своих собственных наработанных штампов...

— Хотите сказать, никого никогда не копировали?

— У любого начинающего актера есть кумир. Должен быть кумир. Если говорить о манере ведения, то, конечно, на меня производил впечатление Саша Масляков. Легкий, непринужденный, с быстрой реакцией. На фоне всеобщего официоза Саша, Александр Васильевич, заметно выделялся. Мне он импонировал тем, что был свободен, что умел импровизировать. Наверное, я что-то брал у него, но разве это можно считать плагиатом?

— Но в те времена, наверное, несложно было прослыть оригиналом — любой поворот головы уже считался невиданной смелостью. Вы ведь, по-моему, первым из ведущих сели перед телекамерой вполоборота?

— Нет, насчет "вполоборота" не знаю. Насчет джинсов — это я знаю точно, насчет длинных волос — знаю точно. Потому что это обсуждалось на достаточно высоком уровне. Имею ли я право в кадре сидеть в джинсах, да еще нога на ногу?

— Точно — нога на ногу! Это ваше. Такая, знаете ли, нарочитая небрежность.

— Это не небрежность. Это — неуважение к зрителю. Были на телевидении негласные законы: костюм, галстук, аккуратная прическа. И для меня, 25-летнего парня, пришедшего из театра... Чтобы я в театр явился в костюме? В галстуке? У меня всего-то был один костюм — свадебный. После спектакля мы собирались: выпивали, разговаривали, обсуждали. И вдруг здесь совершенно другие взаимоотношения. Конечно, не могу сказать, что своим появлением в кадре в джинсах я внес существенный вклад в развитие телевидения. Но тем не менее, мне кажется, телезрители увидели в этом не проявление какого-то неуважения к себе, а наоборот — очень близкого человека, с которым можно нормально общаться. Не снизу вверх, а на равных.

— Но — в день сегодняшний, и все-таки об усталости. Можете, это еще и с непривычки? Три года вас не было на ТВ. Нет ощущения, что приходится как будто заново учиться ходить?

— Нет, ну конечно: то, что было нон-стопом тридцать лет, и потом три года паузы... И манера общения, и дикция, и отношение — конечно, поддается. И речь. Эти постоянные: бдги-бдга-бдго-бдгу...

— А боязнь камеры — она может быть?

— Нет, у меня наоборот. Когда я вижу камеру, это как лошадь перед стартом — сразу внутри все закипает.

— Знаете, что еще волнует. Многие, посмотрев на вас, говорят: а чего же он худой такой?

Тридцать лет и три года... Почти как в сказаниях про былинных богатырей. А как еще о легенде? Три десятка лет он улыбался, шутил и балагурил в "Утренней почте" и "Утренней звезде". В общем, на наших глазах. Три года он балагурил, шутил и улыбался, только мы этого не видели. Уже успели соскучиться...

И вот он вернулся. Теперь уже не в "утро" — весь вечер на манеже. Осунулся, поседел. Не "поет" со звездами — "танцует". Это ли главное? Былинный богатырь нашего ТВ Юрий Николаев снова улыбается, шутит и балагурит под прицелом камер. Смотрите и радуйтесь. За него, за себя.

ПОСЕДЕВШИЙ НА ЭФИРНОЙ

Юрий НИКОЛАЕВ:

"Я никогда не буду краситься, делать подтяжки и убирать морщины"

На сцене с Аллой Пугачевой.

ДИТЕ

— Вот почему-то все говорят, что я худой. Да я никогда толстым не был!..

— Один мой знакомый даже сказал: сейчас Юрий Николаев — вылитый Мик Джаггер.

— Не он первый. Все ластят мне, сами того не зная. Говорят: Мик Джаггер, Клинт Иствуд. И почему-то Аль Пачино.

— Неплохая компания.

— Абсолютно, меня устраивают все. Ну а с Олегом Янковским нас сравнивают постоянно — он ведь тоже как щелка. Говорю ему: "Олег, что все заладили: худой, худой..." А он мне: "Ну-ка, надуй щеки". Я надул. "Ну и что — круглая жопа. А так — лицо". Ну, может, за последние время и похудел немного. Но я сейчас, наоборот, стремлюсь немножко поправиться. Не потому, что не устраивает моя нынешняя худоба, — просто надоели эти вопросы.

— Судя по всему, едок из вас никудышный? — Что да, то да. Хотя по количеству съеденного... Не буду называть, просто никто не поверит. Ну если я на ужин ем пельмени с хлебом, макароны. И так мучное, да еще и с хлебом. Правда, вперемежку с большим количеством сигарет и кофе. Может, еще поэтому... Но все в порядке. Посмотреть на мои фотографии — где я был толстым? Просто был моложе — было нормальное лицо. Сейчас, естественно, появились морщины, которые подчеркивают скулы. А так говорю: "Ну, ре-

бят, давайте, отохмимся 30 раз". — "Сколько?" — "Ну хотя бы 30".

— Вам легче отжаться: вес небольшой.

— А-а, нашел причину...

— Мика Джаггера вспомнили. Он, конечно, колоритный товарищ, такая ходячая икона рок-н-ролла. Наверное, весь прокуренный, обколотый...

— Я думаю, в его жизни было все. Есть даже такой анекдот. Мик Джаггер приезжает в Москву. В "Шереметьево" — девушки в кокошниках, хлеб-соль. Подходит к ним, наклоняется, зажимает одну ноздрю: т-сссс... "О, йес. Так меня еще нигде не встречали".

— Телевидение — это ведь тоже наркотик?

— Да, конечно. А для человека, попавшего в кадр, это еще более сильный наркотик.

— А такое понятие, как ломка, вам знакомо?

— За эти три года меня приглашали в огромное количество передач. Во всех ток-шоу я участвовал, во многих концертах. Здесь не ломка. Когда я приходил в студию в качестве гостя, такое ощущение возникало: раньше все это было твоё, а теперь... И этого мне не хватало. Не хватало того, чтобы сказать: Володь, посмотри вот эту точку, по-моему, отсюда будет хороший план... Вот этого. Другое дело, что планки иногда бывают очень высокие. И ты всегда думаешь (я по крайней мере): а стоит ли опускаться ниже? Потому что планка и "Утренней почты", и "Утренней звезды" была очень высока. Действительно, я никогда в жизни не мог предположить, что придумаю нечто такое, во что будут играть по всей территории СССР. Что перерастет телевизионный проект и станет общенациональным движением. Как КВН. И я горжусь этим.

— Посмотреть на наше телевидение: из того, старого ЦТ осталось всего несколько человек — в основном одна молодежь. Вам уютно с этими молодыми да наглými?

— Ну, ко мне вроде почтительно относятся. А кто-то, может быть, думает, что это пройденный этап, что это все не то...

— Но они ведь чужие, другие. Как пел Макаревич: "Они торчат под рейв и чем-то пудрят носы..."

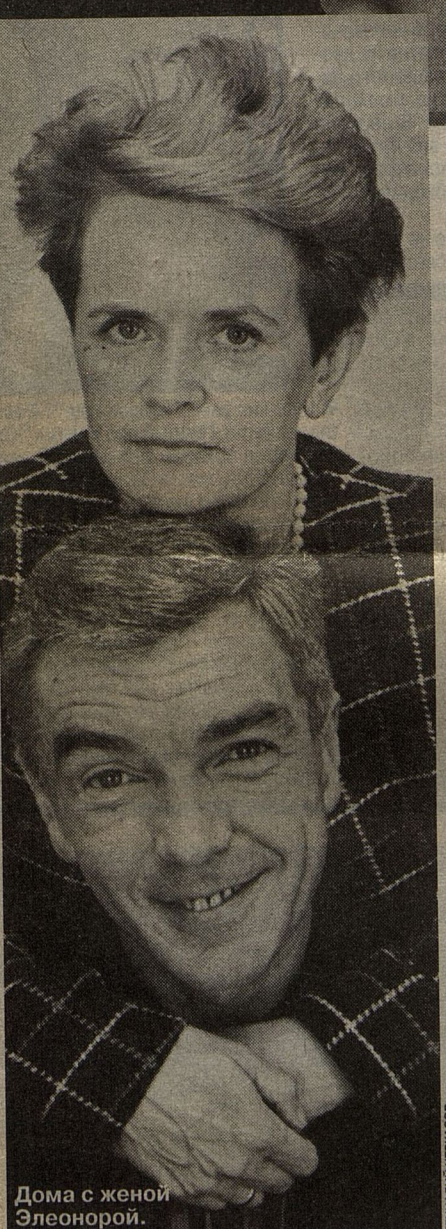
— Другие. Но и я другой. Если я стану работать в их манере, это будет смешно. Как мужик, кото-

рый красится, который делает подтяжки, убирает морщины. И я не позволяю себе заигрывать со зрителем. Не позволяю себе то, что мне не органично. Да и вообще, я эгоист по натуре. Стараюсь делать только то, что мне нравится и что хочется. А с возрастом я становлюсь еще большим эгоистом.

— Но нынешнюю молодежь будете ругать? Не раздражают они вас?

— Кто-то раздражает. Ну что значит "раздражают"? Посмотрел и забыл — не более того. Когда это переходит за какую-то грань, конечно, у меня брови поднимаются вверх

— дума-

Дома с женой Элеонорой.

ешь: о-о-о! Если это считается интересным, если это можно говорить с телезрителем?! — то, наверное, чего-то я не понимаю.

— А есть передача, ведущему которой вы завидуете белой, а может, и черной завистью?

— Не знаю. Сейчас очень много ток-шоу — ток-шоу я не хотел бы вести. Мне ближе музыка, шоу...

— А может, "Фабрика звезд"? Была же под руководством Аллы Пугачевой. Можете, и вам пора?

— Когда вышла "Фабрика звезд", я уже не хотел ее вести. Был момент, когда "Утренняя звезда" могла перерасти в "Фабрику звезд", и я этого хотел. В тот момент я видел и испанский ее вариант, и

На танцполе с Настей Заворотнюк.

французский. У нас был разговор с Эрнстом, но... В общем, не сложились тогда.

— Как думаете, могли бы вы стать музыкальным магнатом? Эдаким Игорем Крутым, Иосифом Пригожиным?

— Могу. Что помешало? Наверное, ложное чувство этики. Почему бы, вот спрашивается, мне не подписать контракт с Юлей Началовой, которая стала известной благодаря "Утренней звезде"?..

— Не только она. Еще бывшие "Смэш", нынешние "Тату", Анжелика Варум, Валерия...

— Да, да, да... Сейчас вот рассуждаю: это закон продюсера — ты вкладываешь деньги, ты снимаешь, ты представляешь эфир. Актер должен либо отработать концертами, либо подписать договор. Ничего нечестного в этом нет. И все-таки шлейф вот этого советского воспитания... Да и потом: зарабатывать деньги на детях! Хотя я на них не зарабатывал, я им помогал. Да, мы выезжали на гастроли: делали концерты, устраивали шоу, детское шоу. Да, я зарабатывал больше, но они ведь тоже получали деньги.

— Многих исполнителей можете назвать своими друзьями?

— Юру Антонова, Колю Расторгуева, Лайму Вайкуле...

— То есть с любой проблемой можете позвонить им среди ночи?

— Думаю, да.

— А Алла Пугачевой?

— Ну, сейчас мы намного реже общаемся... Помню, вместе делали первые "Рождественские встречи". Это был 88-й год. 16 декабря, "Олимпийский", в тот день как раз мне исполнился сороковник. Я заказал уже ресторан, пригласил друзей. Надо было поехать туда, проверить, все ли готово. Говорю ей: "Алла, если можно, ты закончи концерт. А потом приезжай туда". Мы уже гуляем, входит Алла с подарком, говорит: "Мех-ди прочим, тебя еще поздравили 17 тысяч зрителей". — "Каким образом?" — "Я сказала со сцены, что у тебя сегодня день рождения".

— Вы входили в ее ближний круг?

— Нет, но мы дружили. Собирались, когда она еще жила на улице Горького, играли в шарady...

— Во что, простите?

— В шарady. Кто-то загадывает слово, а ты должен его показать. Очень смешная, кстати, игра. Проводили прекрасные вечера у нее на даче. А в Швеции на "Лестнице Якоба" вообще открылись друг другу как-то совершенно по-другому. У нас было время просто посидеть, поболтать... Я тогда получил чудовой совершенно гонорар, около трех тысяч долларов. А провозить деньги нельзя было. То есть я отдал бы их либо таможене, либо Гостелерадио. И их нужно было просто тупо истратить.

— Справились с нелегкой задачей?

— Чего же тут сложного? — запросто. Купил себе видеокамеру. Сейчас кажется — ну подумаешь, а тогда это был писк моды, они только-только появились. И как-то получилось, что мы с Аллой пошли вдвоем по Стокгольму. Игрушка же новая, надо испробовать. Я ее снимал, она меня снимала. В общем, приятная была атмосфера. Когда встречаемся, почему-то вспоминаем об этом... Нет, я и сейчас могу позвонить Алле, и мы можем поговорить. Или, скажем, в

марте я могу без приглашения приехать к ней на дачу. С желтыми цветами.

— Именно с желтыми?

— Да. В первое воскресенье весны. Это остается в силе.

— Юрий Александрович, так какой из двух миров жестче: музыкальный или телевизионный? Что больше напоминает банку с пауками?

— Для меня, конечно, телевидение.

— Вас часто подставляли?

— Бывало. Когда помимо меня происходило нечто для меня совершенно непонятное. Были случаи, когда то время, которое было раскручено благодаря "Утренней почте", благодаря "Утренней звезде", занимала другая передача, а меня выкидывали куда-то там на восемь часов утра. И даже в эти восемь часов у меня был неплохой рейтинг. Ведь мало произвести программу, которую бы телевидение купило, надо добиться рейтингового времени. А если руководство канала не захочет, оно может поставить программу на время, когда будет идти чемпионат мира по футболу. А потом сказать: "Юр, посмотри на рейтинг. И как мы можем?..." А сколько раз происходило такое, что сдавались пилотные программы (и это не только у меня), говорят "нет", а потом схожий продукт появляется на канале. У меня, например, так произошло с одной игровой передачей. Которая, кстати, называлась "Шарады"...

— Неужели по мотивам посиделок у Пугачевой? То, что стало впоследствии "Пойми меня"?

— Да. Но уже без меня. Схема очень распространенная, и я думаю, что многие, кто занимается телепроизводством, с этим сталкиваются.

— Знаю о вашей бурной молодости и о том, что сейчас не пьете ни грамма. Как теперь расслабляетесь?

— Спорт, книги... Я был очень удивлен, когда узнал, что молодежь читает по Интернету. Ну а как же шестестраниц, запах свежей краски! Для меня это определенное состояние: открыть новую книгу, красивое издание. Притом я знаю, что никогда не стану загибать листочки — у меня будет серебряная линейка или какая-то красивая закладка.

— А спорт какой?

— Горные лыжи, теннис.

— Президентские виды спорта. Осталось только дзюдо освоить.

— Дзюдо я занимался. Кстати, и пилотированием самолета тоже.

— Ваша работа — разговорный жанр. Дома хочется помолчать?

— Конечно.

— А в минуты отдыха присутствие жены необходимо? Или наоборот — лучше, чтобы она где-нибудь по хозяйству погуляла?

— Безусловно, отдохнуть можно и без книги, без спорта, без охоты. А сидя с женой вот на этой же самой кухне друг напротив друга. Но у нас сдвинутый график. Жена раньше ложится, раньше встает. Я позже ложусь, намного. То есть три часа как минимум, когда она спит, я остаюсь один. С сигаретами, с бумагами, с текстом.

— Про сдвинутый график. У Давлатова читал: "Он ложился рано. Она до часу ночи смотрела телевизор. Он просыпался в шесть. Она — в двенадцать. Через три месяца они развелись..."

— Нет-нет, это не про нас. Гастроли и амнезия дали нам хороший брачный союз.

— У вас сейчас опасный возраст. Седина в борозду, бёс в ребро?

— Вот абсолютно искренне говорю... Знаешь, есть старый анекдот. У людей, проживших сорок лет вместе, спрашивают: "Неужели ни разу не было мысли развестись?" Муж говорит: "Мысли убить были, развестись — никогда". У нас примерно такая же история. Были ли ссоры? Конечно, были. Если я слышу, что люди прожили всю жизнь душа в душу и ни разу не поссорились, значит, там просто не было чувств. Ревнует она меня? Ревнует, что процентов. Но я абсолютно честно говорю, что каких-то перемен в своей жизни я не хочу.

— Так понимаю, детей у вас нет?

— Нет, к сожалению.

— Значит, лет через 15–20 с внуками нянчиться не будете. Что же тогда?

— Я не знаю, чем завтра буду заниматься... У Семены в письмах к Луилино сказано: нам дан божий дар — наша память. И мы умудряемся вспоминать все самое плохое, что было в нашей жизни, либо предавать то, что будет плохо в будущем. То есть умудряемся то, что нам дано свыше, пустить во зло самим себе. Вместо того чтобы наслаждаться сегодняшним днем. Да хотя бы этим морозом. —30 — такое ощущение, что просто трагедия. Ну мороз. Но не Майями же.

— То есть надо жить одним днем?

— И наслаждаться. Тем, что есть. Мы почему-то думаем, что только репетируем, черновики пишем. А уж настоящая жизнь... Нет. Вот мы с тобой сидим здесь на кухне — это и есть жизнь. А ты меня спрашиваешь: что будет через 15 лет. Да не хочу я об этом думать!

Дмитрий МЕЛЬМАН.